

Вместо введения СУДЬБА РЕВОЛЮЦИОНЕРА

*Личная судьба есть и у Л. Троцкого,
и он напрасно хочет скрыть ее горечь.*

Н. Бердяев

...Бронированный поезд шел к Киеву. Тяжело гроыхая на стыках рельсов и на стрелках у редких станций, он мчался в ночи к украинской столице. В одном из вагонов в середине состава не спали. В просторном салоне было несколько кожаных кресел, такой же диван, продолговатый стол в центре и небольшой, с телефонными аппаратами на нем, — в углу. У бронированной щели окна стоял человек среднего роста, с бородкой, усами, в расстегнутом френче и сапогах. Над высоким, большим лбом вздымалась пышная шевелюра, уже слегка тронутая заморозками седины. Характерный римский нос оседдало изящное пенсне, за стеклами которого поблескивали живые ярко-голубые глаза. Человек вглядывался в черноту ночи, тщетно надеясь увидеть признаки жилья. Огромная, растерзанная страна лежала не только в руинах, но и в сплошном мраке. Шел 1919 год...

За столом с пером в руке сидел молодой человек во фланелевой солдатской рубахе. Рядом лежали телеграммы из 3-й и 5-й армий Восточного фронта, наступавших на Tobол. Южная группировка фронта успешно продвигалась в направлении Туркестана. Скупые строки донесений подтверждали: с адмиралом Колчаком скоро будет покончено. Путь на восток будет свободен. Но не эти вопросы занимали находящегося в салоне человека. Секретарь быстро записывал фразы: «Крушение Венгерской республики, наши неудачи на Украине и возможная потеря нами Черноморского побережья, наряду с нашими успехами на Восточном фронте, меняют в значительной мере нашу

международную ориентацию, выдвигая на первый план то, что вчера еще стояло на втором...» Помолчав и выразительно взглянув на секретаря, он продолжил: «Иным представляется положение, если мы станем лицом к востоку...» Фразы текли из уст уверенного в себе человека, который, казалось, был способен сквозь полог летней ночи видеть далеко за горизонтом: «Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской. Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжидания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским направлениям. Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может наша армия, которая на европейских весах сейчас еще не имеет крупного значения...»

Уверенно балансируя на полу грохочущего вагона, человек во френче перешел в центр салона и сел в кресло.

— Добавьте к последней фразе: «...разумеется, операции на востоке предполагают создание и укрепление могущественной базы на Урале. Всю ту рабочую силу, которую мы собирались тратить на рабочие поселения в Донской области, необходимо сосредоточить на Урале. Туда нужно направить лучшие наши научно-технические силы, лучших организаторов и администраторов...»

Загораясь от грандиозного плана, человек в пенсне не останавливаясь говорил, говорил: «...нужно туда направить лучшие элементы Украинской партии, освободившиеся ныне по независящим причинам от работы. Если они потеряли Украину, пусть завоевывают для Советской революции Сибирь...»

— Лев Давидович, помедленнее, я не успеваю, — поднял голову на диктующего секретаря с умными, усталыми глазами.

— Ну что ж, помедленнее — так помедленнее...

Диктовка «Записки в ЦК РКП» продолжалась. Ее автор не просто высказывал общую потрясающую стратегическую идею революции, но и максимально ее конкретизировал: нужно создать «конный корпус

(30 000–40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию». Грандиозность замысла поражала воображение самого творца: «Путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии. Наши военные успехи на Урале и в Сибири должны чрезвычайно поднять престиж Советской революции во всей угнетенной Азии. Нужно использовать этот момент и сосредоточить где-нибудь на Урале или в Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайший период может оказаться гораздо дееспособнее Исполкома III Интернационала... Наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение центра тяжести нашей международной ориентации...»

— Все? — вопросительно посмотрел на диктующего секретарь.

— Нет. Добавьте: «Настоящий доклад имеет своей задачей привлечь внимание ЦК к поднятому вопросу». Вот сейчас — все. Поставьте подпись: «Лев Троцкий, 5 августа 1919 г.» [1].

Диктовал «Записку в ЦК РКП» Председатель Реввоенсовета Республики, наркомвоенмор, член Политбюро Лев Давидович Троцкий. Записывал его верный секретарь Николай Сермуks. За свою жизнь Троцкий написал и продиктовал около 30 тысяч документов, подавляющее большинство которых сохранилось в самых различных архивах. Фрагменты «Записки», которые я привел выше, как и большинство других документов, ярко характеризуют эту незаурядную личность.

Почти все, что написал или сказал Троцкий, связано с русской и мировой революцией. Он был ее певец и оракул. «Нужно использовать этот момент... и создать политический и военный штаб азиатской революции». Такие люди — русские якобинцы — считали нормальным, естественным и обязательным вызывать революцию и «пришпоривать» ее. Троцкий предлагает партии новую стратегию Республики — «стать лицом к востоку», ибо «путь в Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии...». Он говорит о необходимости подготовки конного корпуса численностью в 30–40 тысяч человек, для того чтобы «бросить его на Индию», и это в то время, когда весь запад и юг России в огне. И Троцкий это знает. Знает также, что Индия — «уязвимое место» английского империализма. 5 августа он предлагает «сделать ареной восстаний Азию», а на другой день по прямому проводу

сообщает Председателю Совнаркома В.И. Ленину о критической ситуации на юге и требует созыва Политбюро ЦК, чтобы одобрить меры, предлагаемые Реввоенсоветом Республики, по преодолению «грозной опасности» [2].

Даже оказавшись в почти безвыходной ситуации, загнанный в бетонную ловушку Койоакана, этот человек все равно будет бредить «мировой революцией». По революционной тропе, оставившей глубокие шрамы на Земле, прошли тысячи, миллионы людей. Следы подавляющего большинства стерты временем и исчезли навсегда. О Троцком же сегодня спорят и говорят, как и 70 лет назад. Говорят с ненавистью и почитанием, злобой и восхищением. Человек необычной судьбы никого не оставляет равнодушным. Не предвосхищая того, что будет сказано в книге, хотел бы определенно заявить в самом ее начале: портрет Льва Троцкого нельзя написать ни голубым, ни черным цветом. Для изображения этого удаленного от нас временем профиля нужен весь богатый спектр красок. Эволюция общественных оценок известнейшего революционного деятеля, подобно маятнику, описала полную дугу: от восторженного прославления великого вождя мировой революции до предания его анафеме, и наконец она приходит к спокойному и объективному восприятию яркой, сложной и неоднозначной личности, которая заняла свое место в галерее исторических портретов.

Судите сами, вот лишь некоторые оценки, отражающие вехи судьбы революционера, которые были высказаны в разное время.

«Пролетарский поэт» из Новгорода Н.В. Зарницын в феврале 1922 года шлет в московские газеты и Троцкому, «вождю Красной Армии и мировой революции», стихи:

В твоей душе, как в огневой стихии,
И бури стон, и ярых волн разгул.
Ты — пролетарский сын разгневанной России,
В твоих словах Коммуны слышен гул.

В Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке и Берлине,
Во всех столицах речь твоя слышна.
Но ярче звук ее в твоей родной долине,
Где революция багряна и пышна! [3]

Подобные вирши, статьи и заметки в центральных, красноармейских и зарубежных газетах (а их было много) отражали восхищение многих людей «вождем революции».

Вероятно, первой биографической книгой о русском революционере стала работа Г.А. Зива, его старого школьного товарища, который уже в 1921 году в Нью-Йорке выпустил небольшую книгу «Троцкий. Характеристика. (По личным воспоминаниям)» [4]. Были и официальные биографии. По постановлению ЦК (в мае 1924 г.) была подготовлена биография «Бронштейна (Троцкого) Льва Давидовича, с кличками "Львов", "Н. Троцкий", "Яновский", литературными псевдонимами "Антид Ото", "Тахоцкий", "Неофит" и другими». Пятистраничный официоз сопровождается партийной справкой: «Биография тов. Троцкого и перечень его литературных работ составлены тов. Бошем по поручению Истпарта (отдела ЦК по изучению истории партии и Октябрьской революции. — Д. В.) и предназначаются для хранения в Истпарте в Секретном отделе, откуда они будут выдаваться научным работникам» [5].

Эти первые биографии достаточно спокойны и поверхностны. В них схвачены лишь внешние факты жизни Троцкого, но скрыто главное в портрете революционера: одержимый ложной идеей мощный интеллект.

Через полтора десятилетия образ Троцкого предстанет уже зловещим, кровавым, отвратительным, особенно в официальных документах. В докладе И.В. Сталина на февральско-мартовском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б) троцкисты, как и сам «главарь» течения Троцкий, характеризуются как «оголтелая банда вредителей, шпионов и убийц» [6]. В советской печати тех лет Троцкий изображался как средоточие всех зол и пороков — от шпиона до растлителя душ. Столько хулы, сколько за последние полвека выпало на долю Троцкого, думаю, не доставалось никому.

Постепенно эта мгла хулы рассеивается. Неудивительно: вместо старых мифов и нелепостей появляются новые, вроде тех, что Троцкий был кровожадным маньяком, человеком, жаждавшим только личной власти, что он во всем был предтечей Сталина.

Прошло немало лет, прежде чем о Троцком заговорили объективно — как о личности, которая символизирует не только радикализм

коммунистической Идеи, ее бескомпромиссность и утопичность, но и трагедию реализации большевистских программ. Троцкий стоял у истоков создания Советского государства, был одним из главных архитекторов советской тоталитарной бюрократической системы, которая сейчас столь болезненно демонтируется в гигантской стране.

Судьбе было угодно так распорядиться, что Троцкий смог синтезировать в себе непоколебимую веру в коммунистические идеалы и преступную беспощадность пролетарской диктатуры, смог стать одним из вдохновителей красного террора и его жертвой. Думаю, что Троцкий — уникальный индивидуум в том смысле, что соединил в себе как некоторые привлекательные черты русских революционеров, так и крайне отталкивающие, те, что характеризуют большевизм.

Еще на рассвете века Троцкий прочел провидческие строки неукротимого бунтаря Кропоткина: «Каждый революционер мечтает о диктатуре, будет ли это "диктатура пролетариата", т.е. вождей, как говорил Маркс, или диктатура революционного штаба, как утверждают бланкисты... Все мечтают о революции как о возможности легального уничтожения своих врагов при помощи революционных трибуналов... Все мечтают о завоевании власти, о создании все сильного, всемогущего, всеведущего государства, обращающегося с народом, как с подданным и подвластным, управляя им при помощи тысяч и миллионов разного рода чиновников... Все революционеры мечтают о «комитете общественного спасения», целью которого является устранение всякого, кто осмелится думать не так, как думают лица, стоящие во главе власти... Наконец, все мечтают о том, чтобы ограничить проявления инициативы личности и самого народа... чтобы народ избрал своих вождей, которые и будут думать за него и составлять законы от его имени... Вот тайная мечта 99 процентов из тех, кто называет себя революционерами» [7]. В книге Кропоткина из библиотеки Троцкого, составленной для него А. Бутовым, этот большой кусок текста подчеркнут, а на полях стоит вопросительный знак. Возможно, сия мета сделана Троцким. Но поразительно, что он и его сотоварищи по большевистскому руководству, осуждая на словах умозаключения, подобные кропоткинским, последовательно действовали в соответствии с этой методологией.

Задумав написать триптих «Вожди», а конкретнее — три политических портрета: Ленина, Троцкого, Сталина, я понимал, что эти три

человека исторически дополнили друг друга. Ленин выступил в русской революционной истории в роли **вдохновителя**, Троцкий — **возмутителя**, а Сталин — **исполнителя**. Сквозь призму судеб этих личностей чрезвычайно рельефно видны коллизии, зигзаги и трагедия русской, да и всей советской истории. Представляется, что в данном случае биографический метод оказывается особенно эффективным, позволяя через личностную ткань человеческого бытия всесторонне рассмотреть целый исторический слой времени.

Согласно Плутарху, Провидение предопределяет судьбу каждого человека. Деяния людей, по разумению древнего мыслителя, «находятся под надзором и руководством демонов или гениев». Похоже, что божий промысел повелел так, чтобы Рок, как непреложный закон судьбы Троцкого, испрашивал совета как у «гениев, так и у демонов». Может быть, поэтому Лев Давидович, один из «выдающихся вождей», как назвал Ленин (который тоже считался бесспорным вождем) Сталина и Троцкого, сочетал в себе масштабный острый интеллект и приверженность революционному насилию, способность к поразительным пророчествам и упорство в роковых заблуждениях.

Судьба Троцкого по самым требовательным меркам необычна. Она и сегодня волнует, тревожит, потрясает. Троцкий был рано замечен и обласкан славой и известностью. Ему довелось спорить, восхищаться, общаться с выдающимися людьми своей эпохи: Каутским, Плехановым, Адлером, Парвусом, Мартовым, Даном, Аксельродом, Лениным, Фрунзе, Бухариным, Каменевым, другими крупными личностями, оставившими свой долго не теряющийся след на пыльных ступенях пирамиды исторического прогресса.

Троцкий пережил много триумфов. Почти как Божественный Юлий. А может, и больше. Как писал Гай Светоний, «первый и самый блистательный триумф был галльский, за ним — александрийский, затем — понтийский, следующий — африканский и, наконец, — испанский: каждый со своей особой роскошью и убранством». Самый крупный триумф Троцкого был в октябре 1917 года. Революционер, похоже, привык к победам, казалось, что так будет долго, если не всегда. Но уже вскоре после окончания Гражданской войны Троцкий почувствовал себя едва ли не лишним в повседневности начавшихся серых будней. Все говорило: этот человек был как бы создан для переломов,

взрывов, крушений, пожаров, для межконтинентальной славы. Но мировая революция «споткнулась». Даже «азиатская» не получилась. Начались трагедии, которых выпало на долю Троцкого так много, как будто они предназначались целому революционному легиону.

Лишение всех постов, ссылка, депортация, скитания по планете в надежде найти спасение от сталинских агентов сопровождалась насильственной смертью почти всех родных и близких, множества соратников. С клеймом «троцкист» погибали не только действительные соратники и сторонники Троцкого, но и миллионы его соотечественников, лишь заподозренных в какой-то нелояльности диктаторскому режиму. Учитывая, сколь масштабная сталинская охота шла на него, удивительно, что сам Троцкий смог прожить после депортации еще целое десятилетие. За два месяца до своей трагической гибели он написал: «Я могу сказать, что живу на земле не в порядке правила, а в порядке исключения» [8]. Судьба этого революционера — феерический, стремительный взлет на гребень всемирной славы и долгая-долгая драма борьбы, разочарований, надежд, закончившаяся последней трагедией в Мексике.

Правда, сам Троцкий, всегда смотревшийся в зеркало истории, не считал свою жизнь трагической. Во всяком случае, находясь на Принкипо в 1930 году.

Ну а как же насчет вашей личной судьбы? — слышу я вопрос, — пишет революционер, в котором любопытство сочетается с иронией... Я не меряю исторического процесса метром личной судьбы... Я не знаю *личной* трагедии. Я знаю смену двух глав революции [9].

Позволю себе не согласиться с Львом Давидовичем. Просто Троцкий, будучи крупной исторической личностью, умел достойно проигрывать и не утрачивать надежды. Он рано понял, что для истории его поражение, возможно, будет выглядеть достойнее иной победы.

Троцкий написал множество очерков, статей, книг, «политических силуэтов», эссе, манифестов, заметок, репортажей. Для своих биографов он оставил богатейшее по объему и разноплановости наследие. Как вспоминала Наталья Седова-Троцкая, в планы ее мужа входило написать еще ряд крупных книг. Но «повседневные события... отодвигали эти работы на второй план. Труд о Сталине ему был навязан посторонними обстоятельствами: материальной необходимостью и его

издателем. Лев Давидович не раз хотел написать "ходовую" книгу, как он говорил, чтобы заработать на ней и отдохнуть потом, на работе над интересующими его темами. Но это у него не выходило, он *не умел* (курсив мой. — Д. В.) писать ходовых книг...) [10].

Троцкий — один из первых государственных деятелей, который максимально использовал интеллектуальный потенциал своих многочисленных секретарей, о чем будет сказано дальше. Каждое его выступление, импровизированная речь, указание тщательно стенографировались, записывались, печатались. Не случайно 21 том его сочинений, которые успели выйти в СССР к 1927 году (правда, с пропуском нескольких томов), содержит главным образом его доклады, речи, публицистику¹. Его труды, изданные у нас до депортации, — это важная составная часть литературного наследия Троцкого, позволяющая написать его портрет.

Другой, вероятно, более важный источник, помогающий описать «невидимые» в значительной мере стороны его облика, содержится в архивах. Возможно, я являюсь одним из очень немногих исследователей, которому удалось ознакомиться не только с зарубежными фондами архивов Троцкого (Хоттонгской библиотеки Гарвардского университета, где находится около 20 тысяч документов Троцкого, включая три тысячи писем; Международного института социальной истории в Амстердаме, располагающего более чем тысячью писем разных периодов, в том числе перепиской Ленина и Троцкого; частью документов из крупной коллекции Б. Николаевского в архиве Гуверовского института), но и с обширными, полностью закрытыми до недавнего времени материалами в спецхранах советских архивов. Это прежде всего фонды бывшего Центрального партийного архива, Центрального государственного архива Октябрьской революции, Центрального государственного архива Советской армии, Центрального архива Министерства обороны, Центрального архива Комитета госу-

---

¹ Прошло более 60 лет, прежде чем было снято «табу» на публикацию произведений Троцкого в Советском Союзе. В 1990–1991 гг. были изданы: «История русской революции» (Москва, Политиздат), «Политические силуэты» (Москва, издательство «Новости»), «Сталин» (Москва, СП «Тerra» и Политиздат), «Сталинская школа фальсификаций» (Москва, издательство «Наука»), двухтомник «Моя жизнь» (Москва, издательство «Книга»), «Литература и революция» (Москва, Политиздат, 1991). Надеюсь, что этот список будет продолжен.

дарственной безопасности и некоторых других. Подавляющее большинство документов, приведенных в настоящей книге, публикуется впервые. Кроме того, я смог ознакомиться с рукописными вариантами ряда книг Троцкого, что позволило глубже проникнуть в лабораторию его литературного творчества.

Еще одним важным источником для написания портрета явились те сведения, которые предоставили мне родственники Л.Д. Троцкого, чудом уцелевшие и выжившие в атмосфере сталинских кошмаров, а также лица, встречавшиеся с русским революционером или лично знавшие его. Мне бы хотелось в этой связи выразить свою признательность племяннице Троцкого *А.А. Касатиковой*, его внучатому племяннику *В.Б. Бронштейну*, жене младшего сына Сергея — *О.Э. Гребнер* и другим родственникам. Интересные детали, фрагменты жизни, черты характера и личности помогли полнее представить: одна из стенографисток Троцкого *Н.А. Маренникова*, один из секретарей Сталина *А.П. Балашов*, люди, соприкасавшиеся в разной степени с семьей Троцкого и им самим, — *Н.А. Иоффе*, *Д.Т. Шепилов*, *А.К. Миронов*, *В.М. Поляков*, *Н.Г. Дубровинский*, *Д.С. Златопольский*, *Ф.М. Назаров*; последние уцелевшие «троцкисты» — *И.И. Врачев*, англичанин *Стюарт Кирби*, недавно умершая жена Исаака Дейчера (самого крупного, по моему мнению, биографа Троцкого) *Тамара Дейчер* и некоторые другие лица, которым я приношу сердечную благодарность за бесценные для книги и истории свидетельства.

Я также имел возможность общаться с крупными работниками советских органов госбезопасности, знающими о трагедии революционера не понаслышке. Это прежде всего *П.А. Судоплатов*, *Е.П. Питовранов*, *А.Н. Шелепин* и другие. С конца 20-х годов и до 20 августа 1940 года, когда по приказу Сталина Троцкий был ликвидирован, спецслужбы СССР (ГПУ, ОГПУ, НКВД) постоянно держали его под неусыпным наблюдением. НКВД об изгнаннике знал неизмеримо больше, чем мог предположить депортированный революционер. Сталину регулярно докладывалось обо всех шагах, предпринимаемых лидером IV Интернационала, на столе генсека нередко появлялись материалы Троцкого, которые еще только готовились к опубликованию!

Мне удалось ознакомиться с оперативной агентурной перепиской сотрудников НКВД, внедренных в окружение Троцкого. В своей книге

я впервые привожу эти доселе совершенно секретные документы, которые проливают новый свет на многие неизвестные страницы его биографии. В процессе работы мне довелось многократно беседовать с лицами, осуществившими по заданию ЦК ВКП(б) ликвидацию Троцкого.

Работая над портретом, я, естественно, ознакомился и с обширной литературой о Троцком, вышедшей за последние полвека в Европе и Америке. Наибольшее впечатление производит крупный труд Исаака Дейчера, по моему мнению, написавшего наиболее объемную биографию русского революционера. Поражают усилия и научная продукция Юрия Фельштинского, много сделавшего для ознакомления научной общественности с работами Троцкого. Капитальная научная монография подготовлена английским ученым Барухом Кнеем Пацем, свой вклад в «троцковедение» внесли Дейл Рид, Майкл Якобсон, Джоэль Кармайкл, Исаак Левин, Дункан Халас, Херольд Нэлсон, Роберт Такер, Гарри Шукман, другие исследователи. Изучение жизни и деятельности Троцкого как политического деятеля и революционера в нашей стране началось сравнительно недавно. Заметный вклад в этот процесс внесли Ю.И. Кораблев, В.И. Старцев, Н.А. Васецкий, Ю.А. Поляков, П.В. Волобуев и некоторые другие ученые.

Подчеркну, что размышлять о судьбе и роли в отечественной и мировой истории трех русских «вождей» я начал давно, постепенно втянувшись в собирание малоизвестных в нашей стране и за рубежом материалов, фактов, публикаций и личных свидетельств. Очередность работы над портретами произвольна. Если следовать научной методологии, то вначале нужно было бы написать полотно о Ленине, затем о Троцком и закончить Сталиным. Получилось наоборот. Это не случайно. Книга о Сталине, который сейчас олицетворяет историческую неудачу Отечества, была подготовлена еще в 1985 году, когда честный критический анализ роли Ленина в нашей стране был просто невозможен и такая работа абсолютно не имела шансов на публикацию. Представляется, что независимо от оценки, которую читатель даст данной книге, он не сможет не отметить, что это *первая* книга о Троцком, написанная на *советских* и *зарубежных* архивных документах одновременно.